

JEL classification: N14, N44, P20
УДК 338.124.4(470)"1991"
DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(2).369-392

А.В. Шалак

*Байкальский государственный университет,
г. Иркутск, Российская Федерация*

Советское экономическое пространство в 1991 г.: неизбежность распада (по материалам Министерства экономического развития и прогнозирования СССР)

Аннотация. В статье на основе документов, представленных в сборнике «Экономика на острие политики. 1991 год» (М., 2023), анализируется трансформация советской экономики накануне распада СССР. За основу взяты аналитические материалы Министерства экономического развития и прогнозирования, созданного вместо Госплана в апреле 1991 г. Представленные материалы актуальны с точки зрения исследования причин распада единого экономического пространства огромной страны, в которой проживало более 290 млн чел. и был создан один из крупнейших в мире промышленных комплексов. Опубликованные документы вполне убедительно свидетельствуют о фатальном исходе реализуемого варианта целеполагания, реформ сверху, изменений в политической системе, а также трансформации общественного сознания. Распад советской государственности был предрешен предшествующими реформами, качеством советской элиты, радикализацией вялой текущей трансформации в годы перестройки. В качестве основного подхода к интерпретации эмпирических данных использована геополитическая система знаний. С точки зрения геополитики, в борьбе за ресурсы и обеспечение национальной безопасности выигрывают те, кто стратегически верно моделируют поведение государства. Иначе говоря, решающее значение имеет качество политической элиты, ее способность проектировать будущее

Шалак А.В. Советское экономическое пространство в 1991 г.

и брать ответственность за его реализацию. Также в этих условиях огромное значение приобретал внешний фактор, поскольку другие субъекты за доступ к ресурсам стремятся всячески нейтрализовать сильные стороны стратегии потенциальных противников. Опубликованные документы наглядно свидетельствуют, что проводимые реформы опирались на догматы либеральной идеологии, в рамках которых частная собственность, конкуренция, свободное ценообразование и невмешательство государства в экономику рассматривались в качестве универсального средства решения всех проблем. Отечественный опыт и опыт других стран игнорировался.

Ключевые слова. Министерство экономического развития и прогнозирования, документы, советская экономика, причины распада.

Информация о статье. Дата поступления 19 апреля 2024 г.; дата принятия к печати 13 июня 2024 г.; дата онлайн-размещения 5 июля 2024 г.

A.V. Shalak

*Baikal State University,
Irkutsk, the Russian Federation*

The Soviet Economic Space in 1991: The Inevitability of Collapse (Based on Materials from the Ministry of Economic Development and Forecasting of the USSR)

Abstract. This article analyzes the transformation of the Soviet economy on the eve of the USSR's collapse based on documents presented in the collection "Economy on the Cutting Edge of Politics. 1991" (Moscow, 2023). The analytical materials from the Ministry of Economic Development and Forecasting, established in place of Gosplan in April 1991, are used as the basis for this study. The materials presented are relevant in understanding the reasons behind the disintegration of the unified economic space of a vast country, home to more than 290 million people, and one of the world's largest industrial com-

plexes. The published documents convincingly demonstrate the fatal outcome of the implemented goal-setting variant, top-down reforms, changes in the political system, and the transformation of public consciousness. The disintegration of Soviet statehood was preordained by preceding reforms, the quality of the Soviet elite, and the radicalization of the sluggish transformation during the perestroika years. A geopolitical knowledge system was employed as the primary approach for interpreting the empirical data. From a geopolitical perspective, those who strategically model state behavior correctly win in the struggle for resources and ensuring national security. In other words, the quality of the political elite, its ability to project the future and take responsibility for its implementation, is crucial. Additionally, the external factor was of great significance in these conditions, as other actors striving for resource access sought to neutralize the strengths of potential adversaries' strategies. The published documents clearly indicate that the reforms were based on the dogmas of liberal ideology, where private property, competition, free pricing, and non-interference of the state in the economy were considered universal solutions to all problems. The domestic experience and the experiences of other countries were ignored.

Keywords. Ministry of Economic Development and Forecasting, documents, Soviet economy, reasons for the collapse.

Article info. Received April 19, 2024; accepted June 13, 2024; available online July 5, 2024.

Глубокий анализ социальных потрясений всегда привлекает внимание исследователей. После распада СССР прошло уже более тридцати лет, но причины, приведшие к этой величайшей геополитической катастрофе, глубоко и основательно не сформулированы. Следовательно, нет и продуманной государственной стратегии, способной нейтрализовать данные угрозы для современной России. По крайней мере, подавляющее большинство российских граждан об этих уроках ничего не знает. Зато в Китае этой проблемой занимаются несколько исследовательских центров. И для

себя китайское руководство определенные выводы сделало. Но в данной статье речь не об этом.

Имеющийся исследовательский задел в российской историографии позволяет проследить эволюцию точек зрения по обозначенной теме [1–7]. К началу 2020-х гг. только в России опубликовано более 300 книг, 3 тыс. статей и 20 диссертаций по этой теме [2, с. 133]. В поздний период перестройки и в 1990-е гг. доминировали идеологизированные подходы, не имеющие к экономической и социальной реальности никакого отношения. Все объяснялось авторитарно-тоталитарно прошлым: СССР распался, ибо не мог существовать без либерально-демократических свобод, многопартийности, «неприкосновенной» частной собственности и конкуренции. Для этого нужно было решительно расстаться с советским тоталитарным режимом, а все остальное сделает невидимая рука рынка. «Невидимая рука рынка» организовала дезинтеграцию единого экономического пространства страны, залоговые аукционы, присвоение самых лакомых кусков собственности, а затем дефолт государства. И все это с целью недопущения возврата в тоталитарное коммунистическое прошлое. «Идейные» реформаторы именно так объясняли запущенные процессы в стране. Таким образом, запущенные реформы, с этой точки зрения, были направлены не на развитие, а на недопущение возврата к мобилизационной экономике. Поэтому в данном случае речь идет не о трансформации экономического пространства, а о его сознательном разрушении. Б.Н. Миронов, посвятившей причинам распада СССР отдельное исследование, подтверждает, что тезис об обреченности СССР ввиду утопизма коммунистической идеи и несостоятельности социалистической системы является наиболее распространенной точкой зрения [там же, с. 132]. С этих позиций написана известная работа Егора Гайдара [8], содержание которой абсолютно вписывается в идеологические

тексты советологических центров на Западе, выброшенные в информационное пространство СССР, а затем и России. Суть основного положения сводится к обоснованию неминуемой гибели всех империй по причине их невозможности развиваться по демократическому пути. Данные оценки и причинно-следственные связи в условиях современной реальности настолько пропагандистски примитивны, что вряд ли заслуживают сколько-нибудь серьезного рассмотрения. За прошедшее после распада СССР время многие государства, несмотря на наличие авторитарно-тоталитарных режимов, устойчиво развиваются и успешно оспаривают гегемонию западного мира. Не случайно, большинство китайских ученых отрицает фатальный характер распада СССР и, как пишет В.В. Кириллов, возлагают ответственность за это на политическое руководство страны и КПСС, прежде всего, М.С. Горбачева и Б.Н. Ельцина [9].

Тем не менее, это не означает, что проект распада не примеряется вновь уже к Российской Федерации. Слишком коротка историческая память и слишком всесильна информационная машина, что позволяет в очередной раз данную технологию разрушения экономического и политического пространства сделать реальной в условиях нового поколения. Именно это актуализирует проблему изучения распада страны с тем, чтобы максимально нейтрализовать подобную угрозу для современной России.

Проблема всех историко-экономических аспектов данной темы в том, что распад огромного экономического пространства в них трактуется вне геополитики. Но поскольку с начала XX в. территориальная экспансия завершилась и везде появились границы, то борьба за выживание при капиталистической парадигме развития могла проходить только за счет перераспределения имеющихся ресурсов. Именно поэтому стратегическое моделирование развитием государства

приобретало решающее значение. Выигрывали не те, у кого прав и свобод больше, а те, кто стратегически правильно моделировал поведение государства в области получения доступа к ресурсам и обеспечения на этой основе национальной безопасности. Все остальное второстепенно, включая характер политического режима, господствующую идеологию и «неразрешимые противоречия». Приемлемо все, что позволяет обеспечить развитие, расширение политического и экономического пространства, национальную безопасность социума. Иначе говоря, решающее значение приобрело качество политической элиты, ее способность проектировать будущее и брать ответственность за реализацию проекта. Огромное значение в этих условиях имеет также формирование гражданского потенциала общества.

Несомненно, что в данной ситуации самостоятельную роль приобрел внешний фактор, поскольку другие игроки за доступ к ресурсам будут всячески стремиться нейтрализовать сильные стороны стратегии других. Чтобы сдержать или нейтрализовать ее, они действуют по двум основным направлениям: стремятся переформатировать в своих интересах информационное пространство, которое сегодня не имеет границ, внедрить в общественное сознание ложные идеалы и символы, а также подталкивать правящую элиту следовать за формируемыми ложными идеалами. Здесь все способы хороши, начиная от внедрения в правящую элиту прямых агентов влияния. Если эти цели достигаются, происходит желаемое переформатирование общественного сознания, после чего запускается реформа политической системы. Экономика как базис в данных условиях вторична, поскольку все процессы, если они запущены, будут определяться этими факторами, а не «изначально тупиковым» вариантом экономического развития. Если «вагонетка разрушения» наберет скорость в нужном направлении

нии, то остановить ее, перенаправить быстро ни у кого не получится.

С этой точки зрения, бессмысленно искать точки бифуркации в 1990–1991 гг. Один из активных деятелей перестройки С.М. Шахрай в статье, опубликованной по случаю 30-летия распада советского государства, утверждал, что точкой невозврата является разрушение КПСС в конце августа 1991 г. после попытки государственного переворота и создания ГКЧП [10]. Ликвидация КПСС потому и стала возможной, что была подготовлена всей предыдущей деятельностью по переформатированию общественного сознания, которое является главным потенциалом любого государства. Реформа политической системы, завершившаяся роспуском КПСС, уже венчала этот процесс. Только после этого последовало разрушение единого экономического пространства и тотальная приватизация государственной собственности.

Поэтому корни распада стали оформляться гораздо раньше, когда после смерти Сталина начали не реформировать, а последовательно деформировать ту систему общественных отношений, благодаря которой СССР превратился не просто в страну с сильной экономикой и независимым ВПК, но и с огромным политическим влиянием, особенно после завершения Второй мировой войны. «Разоблачение культа личности», ориентация на потребительскую парадигму развития (догоним и перегоним США по уровню потребления), — это пролог к ситуации конца 1980-х — начала 1990-х. Можно только дискутировать о темпах, особенностях и прочих аспектах деградации общественно-политической системы по линии конвергенции. После Сталина в стране не нашлось своего «Дэн Сяопина», поэтому страна стала играть по тем правилам, которые были установлены извне. Победить или сохранить статус державы, опираясь на них, было невозможно.

Изданный сборник документов Министерства экономики и прогнозирования [11], созданного в апреле 1991 г. на обломках Госплана СССР, интересен по многим параметрам. Общая характеристика опубликованных материалов уже нашла отражение в статье Е.Р. Кураповой [12], которая также является одним из редакторов и составителей вышедшего сборника. Само название работы «Экономика на острие политики. 1991 год» очень точно отражает ситуацию, в которой экономика оказалось заложницей политического курса. Сборник включает много аналитических материалов, позволяющих прочувствовать алгоритм стагнации советской экономики. В данной статье мы не будем касаться анализа множества документов, характеризующих положение в различных отраслях экономики, внешней торговли, поступлений валюты и др. Многие материалы уникальны, содержат обобщающую информацию, позволяют отследить гигантские параметры советской экономики накануне разрыва единого экономического пространства. Данный сборник интересен с точки зрения понимания причин распада советской государственности, а также оценки возможных темпов и вариантов трансформации экономической и общественно-политической системы СССР. Сохранить страну в силу запущенных намного ранее процессов ее разрушения, радикально ускоренных так называемой перестройкой, в 1990–1991 гг. было уже невозможно. Еще 19 октября 1990 г. Верховным Советом СССР были одобрены «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике», в котором утверждалось, что «...экономика находится в крайне опасной зоне — старая административная система управления разрушена, а новые стимулы работы в условиях рынка еще не созданы. Нужны энергичные меры... для стабилизации положения и ускоренного продвижения по пути к рыночному хозяйству» [13]. В данном

документе ни о какой конвергенции или попытке выработать самостоятельный вариант трансформации общества речь не идет, взят курс на воссоздание капиталистических отношений, несмотря на то, что о так называемых рыночных отношениях у операторов процесса были самые смутные представления.

Во второй главе сборника представлены документы Министерства экономического развития и прогнозирования, содержащие анализ социально-экономической ситуации. Они достаточно информативны и позволяют сформулированный тезис убедительно проиллюстрировать на примере многих документов.

В 1987 г. была одобрена государственная долгосрочная программа развития производительных сил Дальневосточного экономического района, Бурятской АССР и Читинской области на период до 2000 г. В качестве базы для разработки программы был взят 1985 г., но уже к моменту принятия программы ситуация в экономике изменилась. Под эгидой Ассоциации дальневосточных советов народных депутатов в конце мая 1991 г. предлагается новая Концепция выхода из кризиса. Ее разработчики отмечают, что к этому времени наибольшей модификации подвергся механизм принятия решений и распределения ресурсов. Предприятиям и объединениям были предоставлены права по принятию решений об использовании производственных ресурсов. Это разрушало основополагающий принцип Долгосрочной программы — развитие за счет ресурсов Центра. Фонды капитальных вложений стабильно снижались. Союзная власть переложила вопросы развития на уровень предприятий и организаций, в лучшем случае, ведомств, а центр тяжести по формированию социальной, инвестиционной, экологической политики перемещался отчасти даже на уровень местных Советов. То есть Центр передал республикам ответственность за формирование политики развития и ее реализацию, но необходимые

для этого ресурсы и механизмы управления отсутствовали. Упование на «невидимую руку рынка» неизбежно приводило к кризису управления, который быстро перерастал в социально-экономический кризис.

Для стабилизации ситуации требовалось срочно находить необходимый баланс ответственности между Центром и территориями, устранять крайности подходов. Однако в предлагаемой Ассоциацией программе развития утверждается, что принципиально важно исходить из «основополагающих изменений... и усилий, предпринимаемых по созданию рынка» [11, с. 352]. То есть «вагонетка развала» единого экономического пространства разгоняется сверху, а те, кто внизу, стараются придать ей ускорение.

Ситуация напоминает шизофренический синдром. Министерства и ведомства уклонились от мероприятий по реализации программы долгосрочного развития, ссылаясь на переход к рыночным отношениям и хозрасчетную самостоятельность предприятий. Собственных источников финансирования производственных, инфраструктурных и прочих программ у региона практически нет. Разработчики программы совершенно правильно утверждают, что регион не сможет развиваться, «если не сможет опираться на централизованные источники финансирования» [там же, с. 358]. А после этого вывода предлагают ускорение процесса приватизации, освобождение от налогов, создание иностранных и совместных предприятий и пр., что никак не согласуется с пониманием невозможности развития без централизованных источников финансирования. И подобные противоречия по всей программе.

Относительно мер государственного регулирования, разработчики программы опять пытаются совместить несовместимое: формирование и передачу региону централизованных капиталовложений с одновременным статусом свободного предпринима-

тельства Дальневосточного района и Забайкалья и запуском «рыночного механизма на обширной территории Дальневосточного региона и части Восточной Сибири, причем этот рынок будет основан на общепринятых принципах рыночного хозяйства, что послужит важным толчком к становлению рынка на всем востоке России» [11, с. 387].

С позиций сегодняшнего дня, больше всего удивляет публицистический характер предлагаемой концепции, непроработанность механизмов ее реализации. Своего опыта нет, а учет опыта соседнего с регионом Китая, который реформировал свою экономику, согласовывая рыночные механизмы с централизованным регулированием, в концепции абсолютно отсутствует.

Понимание исходных причин назревающего фундаментального социально-экономического кризиса явно просматривается в публикуемых прогнозах. В конце июня 1991 г. Министерством экономического развития страны был подготовлен прогноз развития экономики СССР в 1991 г. В документе дается анализ производственных мощностей страны, ее ресурсной базы и утверждается, что «Советский Союз не испытывает каких-либо серьезных ограничений в развитии экономики со стороны производственно-сырьевого потенциала» [там же, с. 390]. То есть фиксируется тезис, что в стране имеется все необходимое для устойчивого развития экономики. Важно, что в документе отмечается и потенциал, который позволяет сохранять оптимизм в области ускоренного внедрения достижений науки и техники. Среди занятых в отраслях народного хозяйства каждый восьмой имеет высшее образование. Численность научных и научно-педагогических работников в СССР превысила 1,5 млн человек и имеет тенденцию к дальнейшему росту. Свыше 0,5 млн научных работников имеет ученую степень докторов и кандидатов наук.

Поэтому вполне обосновано в прогнозе указывается, что причины низкого использования производственного потенциала кроются не столько в его техническом состоянии или во внутриводской организации производства и труда, сколько в особенностях преобразований в экономике и в обществе в целом. Обуславливают кризисные процессы «ломка всего старого механизма функционирования народного хозяйства... в осуществляемом решительном переходе от директивного планирования и управления к рыночному регулированию процесса формирования важнейших народно-хозяйственных пропорций и структурных сдвигов в народном хозяйстве» [11, с. 390]. То есть в документе Министерства фиксируется: проблема не в правах и свободах, утопичности идеала, а в той совокупности решений по траектории перестройки экономики, которые привели к слою существовавшей системы управления народным хозяйством до момента построения новой, нарушении целостности единого экономического пространства, без чего сама цель перехода к рыночной экономике является практически нереализуемой.

Разрыв хозяйственных связей между республиками, отраслями и предприятиями, вызвавший недопоставки ресурсов и изделий даже в условиях их наличия, повсеместный недогруз производственных мощностей и остановку предприятий можно было преодолеть только за счет широкого использования внеэкономических мер государственного регулирования экономики, то есть не на путях «рынка и демократии». Причем эти меры должны действовать на всем советском пространстве. Но насколько реально это было воплотить в жизнь? На момент разработки прогноза уже шесть республик заявили о своем участии в разработке Союзного договора (Литва, Грузия, Латвия, Эстония, Армения и Молдова). При этом «отдельные республики» приняли решение по сня-

тию законодательно установленного порядка формирования фонда потребления в зависимости от роста объемов производства продукции и услуг. Каким образом меры внеэкономического принуждения могли действовать на их территории даже при условии, что они выражали свою заинтересованность в сохранении единого экономического пространства?

К этому нужно добавить снижение на мировом рынке цены на нефть, сокращение валютной выручки, переход на новые принципы торговли со странами-членами СЭВ, что повлекло сокращение советского экспорта нефти, объемов закупок машин и оборудования, и соответственно, резко ограничило возможность закупать в этих странах сырье, материалы и комплектующие изделия. А в условиях тотального внедрения «демократических норм и процедур» углубляющийся кризис не мог быть остановлен ни экономическими, ни внеэкономическими методами. Слом советской системы хозяйствования, а вместе с ней и всей системы общественных отношений уже запущен и идет полным ходом. И нет субъективного фактора, способного его остановить. Фатальность распада в таких условиях неизбежна.

В представленном министерством прогнозе определяются различные варианты сокращения объемов производства в угольной, нефтяной и других отраслях народного хозяйства. Но эти цифры гипотетически произвольны поскольку не привязаны к механизму стабилизации деградирующей советской экономики. В сложившейся ситуации было невозможно определить объемы и масштабы инвестиционной направленности акционерного капитала, возможные накопления развивающейся кооперации и нарождающейся частнопредпринимательской деятельности. Составители прогноза отмечают «отсутствие какой-либо статистической или другой фактурной базы, которая давала бы основу для достоверного прогноза в этой области» [11, с. 405].

Не могла работать в таких условиях и система госзаказа. Выполнение программы пусковых мощностей в соответствии с госзаказом в 1991 г. оценивалось не более, чем в 20 % [11, с. 405].

В условиях разбалансировки внутреннего рынка требовались предельно жесткие меры по ограничению денежных доходов населения, сокращение социальных программ и мораторий на уже реализуемые, ограничение роста заработной платы. В прогнозе резюмируется, что подобный план действий «в сложившейся социально-политической обстановке вряд ли может быть реализован». То есть разработчики прогноза прекрасно осознают, что меры, которые могли бы в хоть какой-то мере стабилизировать ситуацию в экономике, в существующей социально-политической ситуации невозможны. Социально-политические процессы запущены сверху давно, набрали свои обороты и в тех условиях любые политические силы, выступающие против демократизации и рыночных механизмов, не имели шансов на успех. Объяснять причины такого разогрева общественного сознания нужно специалистам в области социальной и политической психологии, а также информационной войны. Но тот субъект, который формировал данную ситуацию, прекрасно разбирался в ее последствиях. Без согласованных действий республик по регулированию денежных доходов населения стабилизация денежного обращения являлась недостижимой целью. И к этой ситуации, когда не оставалось иных вариантов развития, кроме навязанного реформаторами, подвело расшатывание всех общественных скрепов через «демократизацию» и формирование негативного отношения к советскому опыту.

Показатели, которыми оперируют разработчики прогноза подтверждают тот факт, что в стране имелись все объективные условия для стабилизации экономики и устойчивого развития: мощный производ-

ственный потенциал, подготовленная рабочая сила, разветвленная транспортная система, крупные запасы практически всей гаммы полезных ископаемых. Но чтобы их задействовать, провести структурные реформы и вывести экономику на новый уровень развития требовалось соответствующее качество элиты, действующей в интересах страны и ее безопасности. При отсутствии институтов, ориентирующих на развитие, внутри страны, основным фактором навязанной трансформации становится внешний.

Доклады, разрабатываемые Министерством экономического развития и прогнозирования, по сути, мало чем отличаются друг от друга. В них представлена обширная статистика, свидетельствующая о быстрой деградации советской экономики, разрушении единого экономического пространства в условиях парада суверенитетов. Министерство фиксирует ситуацию, определяет факторы, которые ухудшают ситуацию, но каким-либо образом повлиять на ситуацию оно не может. Все рекомендации однозначно пролонгируют необходимость формирования рыночных отношений. Доклад, представленный 19 августа 1991 г. в Совет Федерации СССР, уже называется «Об итогах развития народного хозяйства страны и суверенных республик в первом полугодии 1991 г. и мерах по стабилизации экономики во втором полугодии 1991 г.», что является признанием перемещения центра принятия решений в союзные республики. О какой-либо внятной единой политике речь не идет. В докладе констатируется нарушение республиками порядка и размеров отчислений в государственный союзный бюджет, принятие ими решений по дополнительным расходам на социальные программы, сокращение или запрет вывоза ряда видов продукции, забастовки и межнациональные конфликты, создающие «ненормальное положение в экономике». При этом в докладе опять обозначается фундаментальная причина подобного варианта раз-

вития: действия, направленные на демонтаж командно-административной системы, не были в достаточной степени увязаны с созданием целостной системы экономических методов управления [11, с. 418].

Углубляющийся социальный кризис, порожденный сверху, заставляет власти на местах выживать и сглаживать его последствия в силу своих возможностей. На Центр уже никто не ориентируется, дезинтеграционные процессы развиваются по своей логике и принимают неуправляемый характер. Впервые в документе масштабность спада в экономике сравнивается с падением общественного производства в начальный период Великой Отечественной войны. Тогда только с июля по декабрь 1941 г. было демонтировано и эвакуировано на восток 2 593 предприятия, были оккупированы обширные и крайне важные индустриальные и сельскохозяйственные районы. В результате произведенный национальный доход снизился в 1941 г. по сравнению с 1940 годом на 8 %. «Масштабы нынешнего спада вполне сравнимы», — отмечается в докладе [там же].

И это еще только начало конца. Настоящий развал экономики начнется чуть позже, когда в полную силу заработают инфляционные процессы и начнется тотальная приватизация. Если спад в экономике в 1991 г. уже сравним с сокращением общественного производства в годы войны, то с чем тогда можно сравнить сокращение объемов производства, деиндустриализацию экономики и утрату множества компетенций в 1990-е гг.?

Важно отметить, что в материалах Министерства фиксируется также нарастание тех проблем, из-за которых советская экономика признавалась реформаторами неэффективной. Внедрение рыночных механизмов повлекло не сокращение, а рост издержек производства. Дополнительная прибыль была получена главным образом за счет повышения оптовых цен, затраты на один рубль товарной продукции и услуг увеличились в первом квартале по сравнению

с январем — мартом 1990 г. почти на 20 %. Увеличение издержек производства отмечается во всех отраслях народного хозяйства [11, с. 420]. То есть переход к рыночным отношениям не сопровождается обещанным сокращением непроизводительных расходов. Разрыв хозяйственных связей, отсутствие валютных средств на закупку сырья и материалов по импорту сопровождался также резким увеличением цен и тарифов на услуги. В свою очередь, в результате роста цен сокращался спрос населения на услуги. Наличие кооперативного сектора экономики только усугубляло социальные проблемы. В частности, деятельность кооперативов по оказанию населению медицинских услуг разворачивалась за счет аренды государственных лечебно-профилактических учреждений, дорогостоящей импортной и отечественной аппаратуры, оборудования и материалов, что наносило прямой ущерб указанным учреждениям и снижало качество оказываемой в них медицинской помощи [там же, с. 427]. Одновременно сокращался ввод в действие основных фондов из-за снижения капитальных вложений, росли объемы незавершенного строительства, раскручивалась инфляция. Поэтому прогноз Министерства не отличается от предыдущих, но вывод более определенный: сложившаяся тенденция продолжается, что неминуемо будет характеризоваться «большим спадом общественного производства» [там же, с. 447].

Предлагаемые меры по стабилизации экономики не могли носить системного характера. В условиях запущенных процессов демократизации и эйфории по поводу рыночных отношений не было политических сил, способных сконцентрировать власть, противостоять оформившимся стереотипам общественного сознания и пойти на непопулярные меры в области денежно-кредитной политики, регулирования денежных доходов населения и урезания социальных расходов. Рыночный джин вылез из своего кувшина.

А политический субъект, способный противостоять стихии рынка, отсутствовал. В прогнозе все надежды возлагаются на то, что здравый смысл возобладает и будут достигнуты договоренности между «суверенными республиками». Предлагаемые меры как будто списаны с постановлений десятилетней давности: контроль за осуществлением поставок в установленные сроки сельскохозяйственным предприятиям необходимых материально-технических ресурсов, направлять на сельскохозяйственные уборочные работы технику и личный состав вооруженных сил по графику, согласованному республиками с Минобороны СССР; обеспечивать первоочередную подачу вагонов, судов и контейнеров для перевозки выращенного урожая, сокращение потерь сельскохозяйственного сырья и т.д. [11, с. 448–453].

По мере углубления социально-экономического кризиса в прогнозах Министерства экономического развития все более однозначно акцентируется переход на рыночные отношения. В аналитической записке «О ключевых проблемах материально-технического обеспечения в 1992 г.» от 24 сентября 1991 г. отмечается, что при полном демонтаже директивных форм управления народным хозяйством, формирование рыночной инфраструктуры тормозится дефицитом сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, комплектующих изделий, запасных частей. Решение этой проблемы уже никак не связывается с какими-то мерами союзного центра. Исходя из требований «ускорения перевода экономики на рыночные отношения... предприятия и организации в основном сами должны решать проблемы удовлетворения собственных потребностей в материально-технических ресурсах, используя горизонтальные хозяйственные связи и оптово-посредническую систему снабжения» [там же, с. 476]. Централизованное распределение по сферам ведения Союза ССР проговаривается, но на-

дежды на него уже никакой нет. «К настоящему времени практически ни с одной республикой эти объемы не согласованы и соответствующие соглашения или протоколы не оформлены» [11, с. 477].

Уже непосредственно накануне распада страны (11 декабря 1991 г.) для Комитета по оперативному управлению народным хозяйством СССР Министерство разрабатывает прогноз на 1992 и 1993–1994 гг. Он исходит из достижения совместных договоренностей с членами Экономического сообщества об одновременном переходе в 1992 г. «по подавляющему большинству видов продукции» на свободные цены при сохранении в качестве единой валюты рубля и централизации валютных средств [6, с. 845]. При этом в качестве товара будут выступать уже все: продукты труда, капитал, недвижимость, недра, земля, рабочая сила и др. И, хотя государство уже реально нигде не присутствует, в прогнозе тем не менее акцентируется внимание на резком сокращении «вмешательства государственных управленческих структур в процесс товарного обращения, то есть переход от жесткого административного регулирования к установлению целой системы экономических регуляторов». Государству отводится роль «законодательного регулирования всех отношений товаропроизводителей» [11, с. 491].

И в качестве цели развития уже оформляется не рост и развитие российской экономики, а создание конкурентной среды, «сравнимой с США». Для этого в экономике сообщества должно функционировать не менее 17–19 млн хозяйствующих субъектов. Никакой логикой подобные прогнозы объяснить невозможно. В стране на конец 1991 г. насчитывалось только в промышленности 47 тысяч предприятий. Почти четверть из них являлись мелкими со стоимостью фондов до 500 тыс. р., на них приходилось лишь 1 % продукции, 2,2 % рабочей силы и 0,3 % фондов. Удельный вес крупнейших предприятий со стоимостью фондов более

200 млн р. составлял всего 1,2 %, но они производили 25,7 % продукции, на них концентрировалось 47,2 % фондов и 19,4 % промышленно-производственного персонала. Зачем в промышленно развитой стране нужно было дробить, мельчить, существующие корпорации, чтобы приблизиться к США по количеству хозяйствующих субъектов «в сопоставимых параметрах общих показателей, характеризующих масштабы экономики и ее пространства»? Ответ, скорее, нужно искать в области психиатрии и тех сдвигов, которые произошли в общественном сознании.

Анализ опубликованных материалов Министерства экономического развития и прогнозирования СССР в последний год существования советской государственности позволяет констатировать фатальность распада единого экономического пространства и ликвидации государства. Основная причина, обозначенная во многих документах Министерства, в непродуманности реформ перехода к рынку: радикальный слом директивной системы управления экономикой без создания и внедрения рыночных механизмов. По форме вряд ли выводы министерства могли быть иными. Но если формулировать по сути, то основная причина в субъективном восприятии необходимости реформ и механизма их реализации теми политическими силами, которые проектировали реформы и приступили к их реализации, уровень их компетентности и ответственности перед обществом. Очевидно, что осуществление подобного реформирования было бы невозможно без переформатирования общественного сознания. Движение в этом направлении началось с XX съезда КПСС и заключалось в постепенном внедрении потребительской модели поведения. Только после этого можно было перейти к слоу политической системы, а затем и экономической. Системность и долговременная последовательность принимаемых решений в этом направлении очевидны и безальтернативны.

Как уже отмечалось, современный Китай действует последовательно и очень обдуманно, чтобы избежать последствий распада СССР. Главный императив Си Цзиньпина — легитимация сильной партии. То есть нынешнее поколение китайских руководителей твердо уверены, что наращивание силы требует не горбачевской гласности и «открытости идеям», а идеологического единства, контроля за политическим дискурсом, а еще шире, за информационным пространством страны. Но контролировать его можно только предлагая новый символический капитал и цели, способные объединить различные слои общества. Огромное значение в этих условиях приобретает субъективный фактор. Именно поэтому важнейшим звеном в китайских преобразованиях и основой их успешного развития является оживление партии, очищение ее от коррупции, повышение авторитета в глазах народа. Контролировать государственный аппарат и направлять на эффективное решение формулируемых задач можно только если в руках правящей группы будет отмобилизованная, дорожащая честью партийного мундира политическая сила. Все остальное достигается с опорой на эти инструменты.

Все эти инструменты в 1991 г. в СССР уже отсутствовали. Без них инерция саморазрушения набрала такие обороты, при которых крах советской общественной системы и разрушение единого экономического пространства страны становились неизбежными.

Список использованной литературы

1. Коршунов М.М. Историография Распада СССР / М.М. Коршунов, М.В. Кочеткова. — EDN SGNRCX // Гуманитарные научные исследования. — 2014. — № 6. — С. 7.
2. Миронов Б.Н. Дезинтеграция СССР в историографии: развал или распад / Б.Н. Миронов. — DOI 10.21638/11701/spbu02.2021.108. — EDN LOEEEE // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. — 2021. — Т. 66, № 1. — С. 132–147.

3. Браун А. Взлет и падение коммунизма / А. Браун. — Москва : РОССПЭН, 2014. — 862 с.
4. Малия М. Советская трагедия. История социализма в России. 1917–1991 / М. Малия. — Москва : РОССПЭН, 2002. — 580 с.
5. Мау В.А. Экономика и власть. Политическая история экономической реформы в России, 1985–1994 / В.А. Мау. — Москва : Дело, 1995. — 112 с.
6. Медушевский А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиции аналитической истории / А.Н. Медушевский. — EDN OJSOAT // Российская история. — 2011. — № 6. — С. 3–30.
7. Распад СССР: дискуссии о причинах, обстоятельствах и последствиях : [сб. ст.] / отв. ред. С.В. Журавлев. — Москва : Ин-т рос. истории РАН ; Санкт-Петербург : Центр гуманитарных инициатив, 2019. — 224 с.
8. Гайдар Е.Т. Гибель империи : уроки для современной России / Е.Т. Гайдар. — Москва : РОССПЭН, 2006. — 439 с.
9. Кириллов В.В. Проблема распада СССР в новейшей историографии / В.В. Кириллов. — EDN ULPENH // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. — 2015. — № 3 (19). — С. 62–70.
10. Шахрай С.М. Первая и основная причина распада СССР — разрушение КПСС / С.М. Шахрай // Interfax. — URL: <https://www.interfax.ru/30years/804224> (дата обращения: 16.05.2024).
11. Экономика на острие политики. 1991 год : сб. док. / под науч. ред. К.И. Могилевского ; отв. ред. и сост. Е.Р. Курапова, В.С. Пушкарев. — Москва : Фонд Связь эпох, 2023. — 624 с.
12. Курапова Е.Р. Из истории деятельности Министерства экономики и прогнозирования СССР в 1991 г.: последний год империи / Е.Р. Курапова. — DOI 10.17150/2308-2488.2022.23(2).323-351. — EDN VJNJWN // Историко-экономические исследования. — 2022. — Т. 23, № 2. — С. 323–351.
13. Распад СССР: документы и факты (1986–1992 гг.) : в 2 т. / под общ. ред. С.М. Шахрая ; сост. С.Н. Станских. — Москва : Волтерс Клувер, 2009. — Т. 1 : Нормативные акты. Официальные сообщения. — 1118 с.

References

1. Korshunov M.M., Kochetkova M.V. Historiography of the Soviet Collapse. *Gumanitarnye nauchnye issledovaniya = Humanities Scientific Researches*, 2014, no. 6, pp. 7. (In Russian).

2. Mironov B.N. Disintegration of the USSR in Historiography: Collapse or Dissolution. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya = Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2021, vol. 66, no. 1, pp. 132–147. (In Russian). EDN: LOEEEE. DOI: 10.21638/11701/spbu02.2021.108.

3. Brown A. *The Rise and Fall of Communism*. London, Bodley Head Publ., 2009. 720 p. (Russ. ed.: Brown A. *The Rise and Fall of Communism*. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2014. 862 p.).

4. Malia M. *The Soviet Tragedy : a History of Socialism in Russia, 1917–1991*. New York, Free Press, 1994. 598 p. (Russ. ed.: Malia M. *The Soviet Tragedy : a History of Socialism in Russia, 1917–1991*. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2002. 580 p.).

5. Mau V.A. *Economy and Power. The Political History of Economic Reform in Russia, 1985–1994*. Moscow, Delo Publ., 1995. 112 p.

6. Medushevskii A.N. Perestroika and the Causes of the USSR's Collapse from the Perspective of Analytical History. *Rossiiskaya istoriya = History of Russia*, 2011, no. 6, pp. 3–30. (In Russian). EDN: OJSOAT.

7. Zhuravlev S.V. (ed.). *The Collapse of the USSR: Debates on the Causes, Circumstances and Consequences*. Moscow, Institut Rossijskoj Istorii RAN Publ., Saint Petersburg, Centr gumanitarnyh iniciativ Publ., 2019. 224 p.

8. Gaidar E.T. *The Fall of the Empire: Lessons for Modern Russia*. Moscow, ROSSPEHN Publ., 2006. 439 p.

9. Kirillov V.V. The Problem of Disintegration of the USSR in the Modern Historiography. *Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya: Istoricheskie nauki = MCU Journal of Historical Studies*, 2015, no. 3, pp. 62–70. (In Russian). EDN: ULPEHH.

10. Shakhrai S.M. The primary and fundamental cause of the USSR's collapse was the destruction of the Communist Party of the Soviet Union (CPSU). *Interfax*. Available at: <https://www.interfax.ru/30years/804224> (In Russian).

11. Mogilevskii K.I., Kurapova E.R., Pushkarev V.S. (eds). *Economics at the Forefront of Politics*. Moscow, Fond Svyaz' ehpokh Publ., 2023. 624 p.

12. Kurapova E.R. Excerpts on the History of Ministry of Economy and Forecasting of the USSR in 1991: the Last Year of the Empire. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History and History of Economics*, 2022, vol. 23, no. 2, pp. 323–351. (In Russian). EDN: VJNJWN. DOI: 10.17150/2308-2488.2022.23(2).323-351.

13. Shakhrai S.M., Stanskikh S.N. (eds). *The Collapse of the USSR: Documents and Facts (1986–1992)*. Moscow, Walters Kluwer Publ., 2009. Vol. 1. 1118 p.

Информация об авторе

Шалак Александр Васильевич — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и таможенного дела, Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Российская Федерация; e-mail: ShalakAV@bgu.ru. <https://orcid.org/0000-0002-7105-5776>; SPIN-код: 9312-2230; AuthorID РИНЦ: 476913.

Author

Alexandr V. Shalak — D.Sc. in History, Professor, Head of Department of International Relations and Customs Affairs, Baikal State University, Irkutsk, the Russian Federation; e-mail: ShalakAV@bgu.ru. <https://orcid.org/0000-0002-7105-5776>; SPIN-Code: 9312-2230; AuthorID RSCI: 476913.

Для цитирования

Шалак А.В. Советское экономическое пространство в 1991 г.: неизбежность распада (по материалам Министерства экономического развития и прогнозирования СССР) / А.В. Шалак. — DOI 10.17150/2308-2488.2024.25(2).369-392 // Историко-экономические исследования. — 2024. — Т. 25, № 2. — С. 369–392.

For Citation

Shalak A.V. The Soviet Economic Space in 1991: The Inevitability of Collapse (Based on Materials from the Ministry of Economic Development and Forecasting of the USSR). *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2024, vol. 25, no. 2, pp. 369–392. (In Russian). DOI: 10.17150/2308-2488.2024.25(2).369-392.